

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

Т.В. Гречушникова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В ЭПОХУ МУЛЬТИМЕДИА

*Schrift ist das Kleid der Sprache.
Solange wir nicht auf Grunzen und Gurgeln
zurückfallen als Mittel menschlicher
Verständigung, solange brauchen wir
Schrift und Typografie, um alle
Nuancen des Denkens und Sprechens
darzustellen, derer wir fähig sind.
Erik Spiekermann*

Развитие технической и гуманитарной научной мысли XX века привносит в изучение художественного произведения новые ракурсы: языковая система перестает быть исключительно инструментом в раскрытии некоей темы и реализации авторского замысла; она сама становится объектом, в том числе, и авторского исследования. Переосмысление выразительного потенциала и функций языкового материала нередко связывалось с освобождением его от довлеющих грамматических и синтаксических норм. Графика, акустика, языковая игра становились альтернативами семантическим «оковам», в том числе, и идеологического толка. Социальная ангажированность авторов экспериментального поэтического текста (далее – ЭПТ) – от нигилизма авангардистов до постмодернистских экспериментов – разнонаправлена, но очевидна, а их произведения всегда обусловлены внешними (социально-политическими, эстетическими, философскими и др.) факторами, вне учета которых анализ ЭПТ весьма затруднителен. При рассмотрении же текстов с учетом экстралингвистических факторов становится уместным привлечение элементов дискурс-анализа, где, по высказыванию И.В. Ивановой, «дискурс как теоретический объект лингвистики – это текст в прагматическом аспекте» [3: 5]. Прагматическая ситуация в принципе является одним из различительных признаков различных видов дискурса, в частности, повседневной и художественной коммуникации. В рамках последней текст доминирует, а ситуация максимально направлена на его создание [7: 92]. Рассматривая ЭПТ как доминанту поэтического дискурса того или иного периода, следует отметить, что свойственная ему прагматическая установка претерпевает определенные изменения.

Схематично эта динамика может быть обозначена как:

$[A \rightarrow \text{ЭПТ} \rightarrow P] \rightarrow [A \rightarrow \text{ЭПТ} \leftrightarrow \text{ЭПТ}] \rightarrow [A \rightarrow \text{ЭПТ} \leftrightarrow P]$,

где А – автор,

ЭПТ – поэтический текст, создаваемый с применением тех или иных экспериментальных техник,

Р – реципиент.

Первая часть схемы соответствует раннему поэтическому эксперименту, например, фигурному стиху Средневековья. Экспериментальное графическое представление текста, помимо эстетических функций, зачастую способствует его пониманию и запоминанию и без труда декодируется реципиентом. Вторая часть отображает эксперимент авангарда со свойственной ему языковой саморефлексией, самореферентностью ЭПТ (ср.: «самовитое слово» В. Хлебникова, «самородное слово» С. Малларме). Реципиент в данной схеме не является облигаторным элементом; выражая некую идею, текст в первую очередь исследует самого себя. Третья часть соответствует прагматической установке современного ЭПТ: также созданный с нарушением языковых конвенций, он «конфронтирует» с реципиентом, но не исключает его из схемы взаимодействия; автор стремится к пониманию, рассчитывая на сотворчество. С точки зрения современной теории дискурса последнее принципиально, ведь художественный дискурс, по Н.В. Кулибиной [5], представляет собой последовательный предсказуемо-непредсказуемый процесс взаимодействия текста и реального читателя, учитывающего или нарушающего «указания» автора, привносящего в текст информацию, которая была известна или не известна писателю. Таким образом, текст без читателя неполон, ущербен. Реально он существует только в процессе его восприятия, при реконструкции той части его содержания, которая прямо в тексте не выражена, а предполагается известной читателю и привносится им в процессе создания художественного дискурса.

На протяжении XX века интерес к экспериментальному текстостроению был неравномерным. К его пикам можно отнести авангард двадцатых годов (запрещенный в России и Германии в период тоталитарной государственности) и эксперименты 50-60-х гг., связанные с пересмотром не только языковой системы, но и процесса коммуникации в принципе.

К 70-м гг. XX века ажиотажный интерес к языковому эксперименту постепенно угасает: невозможность и нежелание «творить новые миры значений на индивидуальном языке» ведут к «застыванию» жанра и выводу о том, что «время экспериментальной и конкретной поэзии прошло» [13: 103] (здесь и далее перевод мой. – Т.Г.). Эффект новизны состоит уже не в интеллектуальной простоте форм экспериментальной поэзии [12], а, напротив, в противопоставленной любому проявлению интеллектуальности простоте литературного поп-арта. Возможные перспективы развития ЭПТ на тот момент видятся в их слиянии с родственными литературными направлениями менее радикального характера: «возможности определенных литературных экспериментов в современной литературе далеко не исчерпаны. Речь идет о таких текстах, которые указывают на “экспериментальное” употребление языка современной литературой, имевшее место вне “конкретной поэзии” или родственное ей и продолжающееся до сих пор; здесь, помимо прочих, следует упомянуть таких авторов, как Ганс Карл Артманн, Конрад Байер, Юрген Беккер, Алоиз Брандштеттер, Петер Хандке, Гельмут Хайссенбюттель, Оскар Пастиор, Герхард Рюм и Рор Вольф» [20: 11]. Дру-

гой возможностью стало интенсивное слияние экспериментального текста с изобразительным искусством; однако критика, ориентиром которой в отношении конкретной поэзии была антология О. Гомрингера 1972 года, состоящая из достаточно радикальных текстов, практически обошла новый жанр вниманием [17: 66].

Возврат к активному переосмыслению опыта экспериментальной поэзии отмечается в 90-х гг. XX века, когда возможности компьютерной обработки текста и размещение произведений в сети Интернет перерастают функцию аналога издательской деятельности и начинают создавать «формы нелинейного представления знания, комбинирующие возможности разных медиальных форм» [4: 130]. Дигитальное пространство оказывается не только ресурсом для коллективного потребления текстов (Projekt Gutenberg и др.), но и для их коллективного создания (Sonett-Maschine Раймонда Кено и др.) [14]. Результатом творческого процесса становится новая форма текста – гипертекст [11: 51; 15: 38], части которого связаны между собой не линейными и логическими отношениями, а виртуальными линками, позволяющими сделать ее произвольной. Мультиmodalность такого рода текста создается взаимодействием визуального ряда, звука и текста [23: 168]; когерентность его обеспечивается не только языковыми средствами, но и компонентами другой семиотической природы (картинками, ссылками и т.д.), что требует описания с помощью надязыкового понятия знака и объединения средств дискурсивного и семиотического анализа [18: 152].

Следует отметить, что распространение подобных инноваций текстопостроения характерно не только для Интернет-литературы (см., например, проекты www.poesis.net, Liter@tur и [Futuristischer Leses@lon](mailto:FuturistischerLeses@lon) на www.netlit.de, www.netzliteratur.net, www.mediensprache.net, www.lyrikline.org, www.pom-lit.de/lyrikzeitung, конкурс СМС-лирики на www.stiftunglesen.de и др.). Компоненты различной семиотической природы объединяются в текстах рекламного дискурса, а также дискурса электронной и массовой коммуникации, что позволяет говорить о приобретении данными инновациями статуса эстетической ценности и происходящей смене эстетической парадигмы. Приведем лишь несколько примеров реализации приемов из арсенала экспериментального текстопостроения. Нестандартное шрифтовое и/или цветовое выделение фрагментов текста, акцентирующие на них внимание, традиционно использовалось в рекламе (рис. 1, 2), в том числе и политической; в силу разного социального и образовательного уровня электората спектр ее эксперимента достаточно широк – от обычных лозунгов и рифмовок до минималистской текстовой продукции (рис. 3) и языковой игры. Однако в силу претензии на максимальный охват аудитории в процессе агитации самыми востребованными в политической рекламе оказываются наиболее простые экспериментальные техники, например, шрифтовое выделение смысловых акцентов. Так, критикуя пиар-техники оппонентов, «Рабочая газета» (№ 10 (71) от 18.10.2007) поместила на полосе «"PI" против PR» следующие карикатурные лозунги:

«**PR**овозгласим эпоху нового социализма!», «Построим **PR**авовое государство!» и т.д. Означенное явление интернационально: в современном немецком языке об этом свидетельствуют многочисленные лозунги и высказывания, созданные, в том числе, и непрофессионалами, на пике политической активности населения в период заката ГДР и воссоединения Германии: «Wir lassen uns nicht **BeeRD**igen!», «Wir lassen uns noch **beKREN**Zen noch **verKOH**Len», «**eGO**n!» и др. [2].

Рис. 1

Hansjörg Mayer

Рис. 2

S A U
A U S
U S A

Рис. 3

Постмодернистское переосмысление языка и его стремление с целью наибольшей объективности высказывания «показать, а не сказать» в принципе высоко востребовало альтернативные графические возможности литературного самовыражения, будь то употребление в тексте медиафрагментов [8], коллажа и других приемов креолизации. Технические возможности компьютерной обработки текста в данном случае предоставляют огромные возможности. Если конкретист 70-х выстраивал свои констелляции при помощи каретки и интервального рычага печатной машинки (рис. 4), то в распоряжении авторов XXI в. находится весь арсенал компьютерной графики.

Franz Fühmann

Variationen über ein Thema I

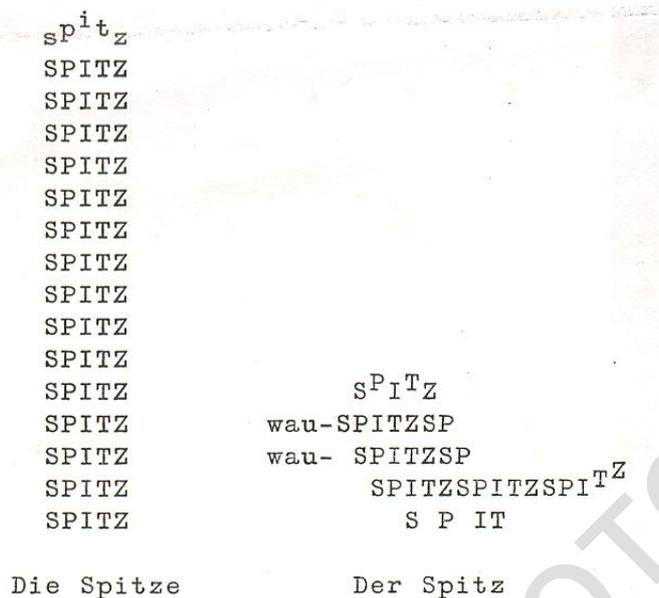

Рис. 4

Культовый автор современной немецкоязычной литературы Бенъямин фон Штукрад-Барре [22] вместо описания газетной шумихи и разноплановых мнений вставляет в текст произведения классический газетный (рис. 5) или выполненный в стиле подписей комикса коллаж (рис. 6); предваряет описание схемой помещения (рис.7), а затем, не комментируя, уточняет локализацию действия при помощи компонентов этой схемы:

или

Подобная радикальная в отношении художественного текста техника, собственно, не является "ноу хау" писателя. В СМИ креализация текста становится нормой. Зародившись благодаря телевидению, привычка «пролистывать» каналы оказалась перенесенной и на другие масс-медиа: «Наша манера чтения также уподобилась "запингу"... Мы перепрыгиваем от впечатления к впечатлению, и то, что не удержало наше внимание в первые секунды, его уже не удержит. Без какого-то числа иллюстраций при этом не обойтись, так как картинка воздействует эмоционально – сразу или никогда. Однако если речь идет о преобразовании впечатлений в эмоции и формировании – при условии понимания – знания, то мы все еще "привязаны" к типографии... Экран или журнальная страница, книжный текст или вэб-сайт с эффектами анимации – созвучие элементов определяет текст» [21].

Рис. 5

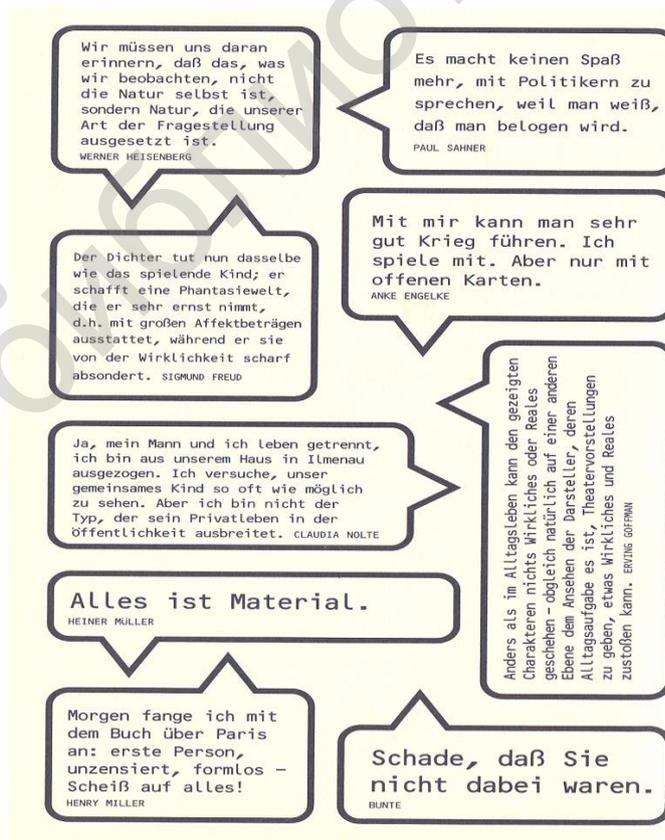

Рис.6

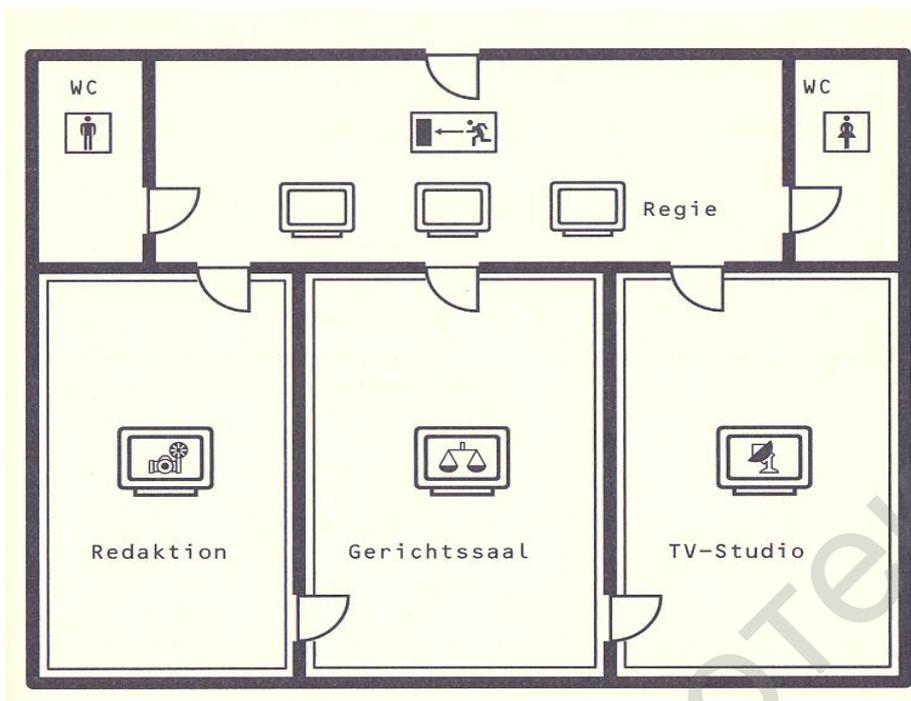

Рис. 7

В современной массовой культуре – «культуре комикса» – доминанта текста, казалось бы, уступила доминанте картинке, выхолостившей интеллектуальный, аналитический потенциал. В этом случае развитие прагматической установки текста, описанное нами выше, на первый взгляд, выглядит следующим образом:

$[A \rightarrow \text{ЭПТ} \rightarrow P] \rightarrow [A \rightarrow \text{ЭПТ} \leftrightarrow \text{ЭПТ}] \rightarrow [A \rightarrow \text{ЭПТ} \leftrightarrow P] \rightarrow$
вновь $[A \rightarrow \text{Э(П)Т} \rightarrow P]$,
где А – автор,
Э(П)Т – экспериментальный (реже поэтический) текст,
а Р – реципиент.

Однако заметим: речь в данной ситуации идет все-таки не столько о художественных (поэтических), сколько об утилитарных текстах. Политическая (при всей ее претензии на интеллектуальность) и коммерческая реклама могут преследовать, на первый взгляд, разные цели, но в конечном итоге едины в одном: потребитель должен легко понять текст и запомнить (вспомним средневековые фигурные хоралы для неграмотных!) некий продукт, чтобы в последствии остановить на нем свой выбор. Элемент сотворчества и рефлексии здесь, по существу, сведен к минимуму, главное – в конечном итоге потребить предлагаемое, будь то политическая идея или товар дня в супермаркете.

Заложенная же в ЭПТ формула активного сотворчества [А → ЭПТ ↔ Р] остается вполне жизнеспособной в текстах, где интеллектуальная составляющая (размышление, переосмысление, синтез идей и т.д.) первична, не вытеснена идейной или бытовой консумацией. Таковы, например, тексты социальной рекламы, побуждающие к размышлению, и тексты новых жанров электронной (художественной) коммуникации (СМС-лирика и др.). Именно в технике ЭПТ выполнены две приводимые ниже работы (рис. 8, 9), посвященные острой социальной проблематике – профилактике различных видов зависимости.

Немаловажно, что техника конкретной поэзии здесь срабатывает безотносительно к языковому материалу – иконические изображения могут быть выстроены с помощью лексем любого языка как его носителем, так и иностранцем и не утратят действенности.

Работа немецкого школьника

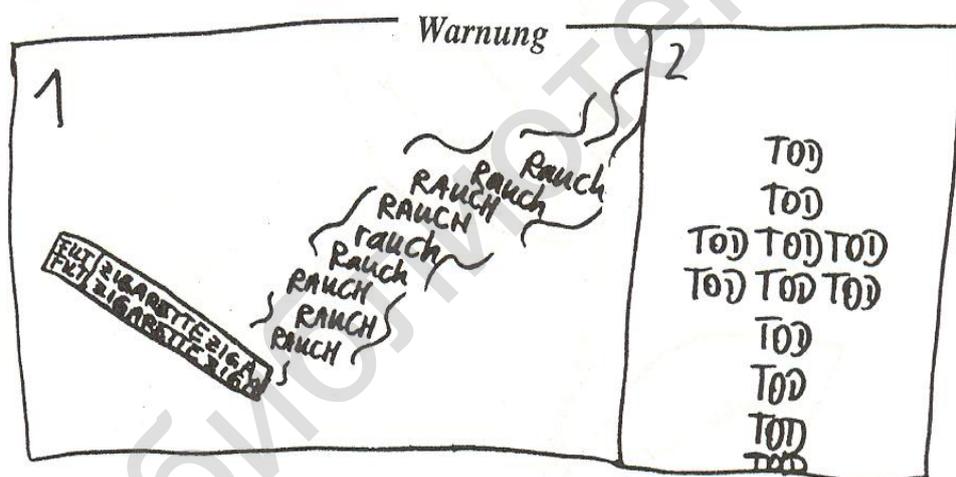

Рис. 8

Нами зафиксирован и ряд примеров «обратного действия», когда шрифтовое выделение и произвольный разрыв слов (еще один прием конкретистов!) в текстах социальной рекламы не облегчают, а намеренно затрудняют понимание текста. Так, объявление о вакансии «Специалист по работе с клиентами» в рекламной листовке компании «МегаФон-Москва» дано в редакции тестовой методики:

«Тыще леустр емл ен,общ ите лен иучи шься нап оследн ихкурс ах вуза ,тыд оста точ новнимат елен,на сто йчив и поэт омупро дол жае шьч ита ть этот те кст,тых орошо разбира ешьсявл юдя хиих мотив ах и пон има ешь,чтот ак им спос обо ммы хот имза инте ресов атьтебя наш ейва канс ией».

Nadeshda Duwakina
Drogen

e
i
n
e
Spritze
Spritze
Spritze
Spritze
Spritze
Spritze
Spritze
Spritze
Q
u
a
l
Tod
Wozu?

Рис. 9

Затруднения при чтении создаются не только за счет произвольного разделения слов и расстановки знаков препинания: они усилены и при помощи «корпоративного» бело-зеленого цветового дизайна текста (в силу цветовых параметров публикации мы воспроизвели зеленый цвет обычным, а белый – жирным шрифтом). Успешно расшифровавший текст прочтет комплиментарные отзывы в свой адрес: «Ты целеустремлен, общителен и учишься на последних курсах вуза, ты достаточно внимателен, настойчив и поэтому продолжаешь читать этот текст, ты хорошо разбираешься в людях и их мотивах и понимаешь, что таким способом мы хотим заинтересовать тебя нашей вакансией». Нетрадиционный дизайн не только обеспечивает сотворчество реципиента, но и имманентно вводит его в «круг избранных», справившихся с задачей, возбуждает интерес к компании со столь нестандартной самопрезентацией и, безусловно, остается в памяти.

Принято считать, что современный бум электронных и мобильных средств связи, породивший свой оптимизированный язык и специфические нормы общения (так, например, выглядит адаптированное к средствам СМС начало Библии: «In da Bginnin God cre8d da heavens & da earth» [1: 107]), не располагает к литературному изяществу. Однако именно здесь нашли свою нишу малые формы как классической (рис.10), так и экспериментальной поэзии.

Рис.10

Типичная для ЭПТ параграфика и краткость формы оказываются интересными как профессионалам (см. таблицу: А; Б), так и любителям, участвующим в конкурсах СМС-лирики (см. таблицу: В).

Таблица

А	Б	В
Herbert Pfeiffer – SMS Ehe I	Horst Bingel – SMS :-) Perspektive :-)	Неизвестный автор FORGET ME NOT
Sei fein & nie mies! Sei mein & nie fies!	Ich weiß, ich möchte mit Dir leben, Du gestattest, ich lege Augen auf den Boden, ich sehe	forgettin you is hard to do forgettin me is up to you forget me not forget me never forget this message but not the sender

Любительские СМС не всегда блещут оригинальностью, но не будем забывать, что на конкурсах СМС-лирики запрещается употреблять ненормативную лексику, оскорбления, призывы к межнациональной розни или иные недопустимые выражения [Op. cit.], что оказывает позитивное влияние по меньшей мере на чистоту и качество речи коммуникантов.

На сей раз уже когда-то радикально новому ЭПТ предстоит выступить в роли носителя литературной традиции – как языковой саморефлексии [16], так и социально ангажированного текста. Будучи изначально ориентированными на использование выразительного потенциала различных семиотических рядов, ЭПТ, скорее всего, будут в состоянии взаимодей-

вать с компьютерными эффектами, но не обеднить при этом содержание, не превратиться в «заставки для монитора». Так, кинетические эффекты могли бы дополнительно акцентировать динамический компонент ряда ЭПТ, будь то реальное движение строк, мерцание слов, развертывание текста и т.д. Но очевидно и другое. «Классическая» черно-белая статичная версия ЭПТ активизирует творческий потенциал реципиента, побуждает креативно осмысливать компоненты, структуру и проксемику текста. Компьютерный «up-grade» стал бы иллюстративной подсказкой и значительно снизил бы степень сотворчества.

Еще в 1997 году немецкий литературовед К. Риха высказывался в пользу ЭПТ, который благодаря взаимодействию интеллектуального потенциала и вновь актуальной «оптимизированной» формы был, по его мнению, уже тогда в состоянии несколько опередить «дигитальный» переворот, прежде чем он завершится и сыграет для книжной литературы ту же роль, какую изобретение книгопечатания сыграло для рукописной культуры [19: 555]. Ситуация последних лет не подтверждает, однако, высказанные ученым опасения в отношении отмирания книжной и печатной форм. Новые технические возможности и поэтический текст, похоже, находят новые интересные формы сосуществования.

Например, профессор литературоведения и критик Т. Вольфарт объясняет растущий в последнее время в Германии интерес к лирике не только темпом жизни, когда читатель скорее обратится к короткой литературной форме, нежели к роману (точка зрения спорная, но вспомним СМС-лирику!). «Изменение ситуации связано и с тем, что в последнее время нам вновь открывается то, что собственно и делает стих стихом – а именно, ритм и звуки, эти сильные музыкальные элементы» [10]. Медийный и технический бум с его возможностью легче потреблять литературный продукт, не читая, а слушая его на ходу, невольно открыл для (акустической) поэзии дополнительные возможности. По Т. Вольфарту, «именно тогда, когда стихотворение получает свой инструмент, а именно, человеческий голос, оно срабатывает» [Op. cit.]. Лирика объединяет в себе письменное и устное, визуальное и акустическое. Но, возможно, современный путь к ней будет пролегать не от книги к кассете или компакт-дису, а от компакт-диска к книге.

Особого упоминания заслуживает и жанр «поэтического кино». «Речь идет о так называемых литературных видеоклипах, сочетающих в себе звуковой и визуальный ряд» [6: 250]. Т.В. Кудрявцева видит истоки этого направления в «зародившихся в конце 1960-х гг. в недрах поп-культуры мультимедийных изданиях» [Ibid.]. На наш взгляд, традицию «живого» исполнения поэтического произведения можно проследить как минимум до дадаистов. Используя современные технические возможности «Poetry film», безусловно, можно расширить и разнообразить визуальный фон поэтического текста; но литературная составляющая, тем не менее, останется его доминантой. Интересно, что будучи международным явлением и явно

тяготее к англоязычию, поэтический фильм не обошел вниманием немецкоязычный ЭПТ. Так, в числе стихотворений к фильмам Международного конкурса поэтического кино ЗЕБРА («Биеннале поэтов в Москве», 2007) Берлинская литературная мастерская представила «Bestiarium» Э. Яндля, «Nach grauen Tagen» И. Бахманн и «Nichts weiter als» А. Раутенберг.

ЭПТ «реагируют на развитие средств массовой информации и коммуникации, разрабатывают новые коммуникативные, эстетические и содержательные модели; они тематически открыты, междисциплинарны по своей природе и способны синтезировать литературу, изобразительное искусство, фильм, фотографию, компьютер и т.д.; они находят или изобретают свой материал и изменяют понятия литературы и искусства в целом» [9: 176–177].

В заключение позволим себе дидактическую ремарку. Своего рода проверкой на легитимность и качественность для литературного текста является включение его в обучающие программы. ЭПТ на сегодня представлены во многих школьных пособиях, активно осмысливаются педагогическим сообществом как стимул для проявления творческого начала, изучения свойств родного и иностранного языка. Помимо трансляции чисто языковых явлений в силу своей дискурсивной природы, связи с общественной реальностью они могут применяться и в качестве материала для анализа в смежных гуманитарных дисциплинах, будь то история, (лингво)страноведение, гендерные исследования и др. Интерпретация данных текстов и создание собственных на основе экспериментальных техник оказываются востребованы в рамках курсов по связям с общественностью, политической, социальной и коммерческой рекламе, дизайну компьютерных сайтов, издательскому делу, а применительно ко всем перечисленным дисциплинам – в принципе как интеллектуальная альтернатива массовому электронному текстопроизводству, неизменным искушением которого является легкость создания разного рода «картинок» и, как следствие, засилье упомянутых выше визуальных эффектов. *Nota bene*: при всем новаторстве – это в большинстве случаев шрифтовая альтернатива. Ведь именно шрифт, намеренно упомянутый нами в эпиграфе, является инструментом создания текста как вербальной доминанты любого мультимедийного продукта, определяющей, на наш взгляд, его (продукта) качество.

Благодаря рассмотренным особенностям ЭПТ имеют, как нам кажется, реальные и интересные перспективы развития. Закономерности же их создания, их влияние на развитие литературы и языковой системы в целом представляют собой обширный и актуальный материал для исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анучина К.С., Хитина В.М. Специфические средства общения (SMS на русском и английском языках) // Вестник Российского Нового Университета: Сб. науч. тр. / Гл. ред. В.А. Зернов. – М.: Рос НОУ, 2008. – Серия «Филология». – Вып. 1. – С. 104–108.

2. Гречушникова Т.В. Языковой эксперимент как элемент альтернативного политического дискурса ГДР // Материалы международной конференции, посвященной 60-летию факультета иностранных языков. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – С. 28–33.
3. Иванова В.И. Речь и дискурс как теоретические объекты действительности // Вестник Тверского государственного университета. – 2006. – № 2 (19). – Серия «Филология». – Вып. 5 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.3–9.
4. Кострова О.А. Теория текста О.И. Москальской и некоторые аспекты ее развития в современной лингвистике // Германистика: состояние и перспективы развития: Мат-лы Междунар. конф. 24–25 мая 2004 / Отв. ред. Н.И. Рахманова. – М.: Моск. гос. лингвистич. ун-т, 2005. – С. 126–136.
5. Кулибина Н. В. Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя <<http://www.gramota.ru/mirrs.html?problem03.htm>>
6. Кудрявцева Т.В. Немецкая поэзия 1990-ых годов: движение «сошел бит» и поэзия «слэм» // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов / Отв. ред. Н.С. Бабенко, А.В. Белобратов. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – Т. 3. – С. 242–250.
7. Миловидов В.А. Введение в семиологию. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – 176 с.
8. Челикова А.В. Медиафрагменты в системе художественного текста // Германистика: состояние и перспективы развития: Мат-лы Междунар. конф. 24–25 мая 2004 / Отв. ред. Н.И. Рахманова. – М.: Моск. гос. лингвистич. ун-т, 2005. – С. 203–209.
9. Dencker, K. P. Von der konkreten zur visuellen Poesie // Text+Kritik. – 1997. – № 9. – S. 169–184.
10. Giersberg, D. Poesie auf alle Kanälen – die neuen Medien tun der Lyrik gut <<http://www.goethe.de/kue/lit/thm/idd/de3511110.htm>>
11. Enders, B. Neue Diskurse durch neue Medien. Das Internet als Supermedium? // Sprache(n) in der Wissensgesellschaft. 34 Jahrestagung der GAL. – Tübingen: Eberhard Karls Universität, 2003. – S. 51–53.
12. Hamburger, M. Ernst Jandl. Die schöpferischen Widersprüche // Hamburger, Max. Das Überleben der Lyrik. – München, Zürich: Edition Akzente Hanser, 1993. – S. 103–112.
13. Hartung, H. Experimentelle Literatur und konkrete Poesie. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1975. – 119 S.
14. Idensen, H. Die Poesie soll von allen gemacht werden! Von literarischen Hypertexten zu virtuellen Schreibräumen der Netzwerkkultur <<http://hyperdis.de/txt/alte/poesie.htm>>
15. Idensen, H. Hypertext als Utopie. Entwürfe postmoderner Schreibweisen und Kulturtechniken // Zeitschrift für Informationswissenschaft und –praxis. – 1993. – № 2. – S. 37–42.
16. Kaminskaja, J. Die Selbstreflexion der Sprache in der visuellen Poesie zeitgenössischer russisch- und deutschsprachiger Autoren // Poetica. Zeitschrift für Sprach- und Literaturwissenschaft. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2002. – Heft 1-2. – S. 223–253.
17. Korte, H. «Die Abenteuerlichkeit des Zeichens». Konkrete Poesie // Lyrik von 1945 bis zur Gegenwart. Interpretation von Hermann Korte. – München: Oldenburg Verlag, 1996. – S. 63–74.

18. Meyer, St. Zeichenlesen im Netzdiskurs – Überlegungen zu einer semiotischen Diskursanalyse medialer Kommunikation // Sprache(n) in der Wissensgesellschaft. 34 Jahrestagung der GAL. – Tübingen: Eberhard Karls Universität, 2003. – S. 152–154.
19. Riha, K. Experimentelle Literatur // Deutsche Literatur zwischen 1945 und 1995. – Hrsg. Horst A. Glaser. – Bern, Stuttgart, Wien: Haupt, 1997. – S. 535–555.
20. Scheffer, B. Anfänge experimenteller Literatur // Anfänge experimenteller Literatur. Das literarische Werk von Kurt Schwitters. – Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1978. – S. 7–14.
21. Spiekermann, E. Typografie – die spröde Geliebte // <<http://www.goethe.de/kue/des/dos/dos/kom/de3694039.htm>>
22. Stuckrad-Barre von, B. Black Box. Unerwartete Systemfehler. – München: Goldmann, 2002. – 351 S.
23. Thome, M. Produzieren und Erkennen von Kohäsion und Kohärenz auf Webseiten // Sprachliche Kompetenz erforschen und vermitteln: Abstracts zur 33. Jahrestagung der Gesellschaft für angewandte Linguistik in Köln. – Köln: GAL, 2002. – S. 168–169.

Н.О. Золотова

ОПЫТ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ В РОССИИ И МИРЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Общая концепция единого государственного экзамена по общеобразовательным предметам (далее – ЕГЭ) базируется на убежденности разработчиков этого проекта в эффективности педагогических измерений учебных знаний умений и навыков (см.: [3]). Сами возможности таких измерений, как и измерений интеллекта, до сих пор подвергаются дискуссиям в научной и научно-методической литературе. При обсуждении этого вопроса, так или иначе, приходится обращаться к его истории, которая демонстрирует противоречивое отношение к проблеме тестового оценивания учебных достижений и общего интеллекта, как со стороны научного сообщества, так и со стороны некоторых представителей властных структур, видящих в стандартизованных измерениях интеллекта препятствие в осуществлении социальной политики в области образования.

В первые годы после революции в России появилось новое направление в педагогике и практике обучения – педологическое движение. Педология как течение в психологии и педагогике возникло на рубеже XIX–XX вв. под воздействием эволюционных идей, проникших в педагогику и психологию, что было обусловлено развитием прикладных отраслей психологии и экспериментальной педагогики [2]. Основателем педологии признан американский психолог С.Г. Холл; основоположником российской педологии считают блестящего ученого и организатора В.М. Нечаева. Авторство термина «педология» приписывается либо самому основателю, либо его ученику О. Крисменту. К сожалению, термину «педология», по мне-